

Наследный принц, услышав эти слова, мгновенно впал в панику. Ведь именно он отдал приказ передать нефритовую подвеску заместителю главы ведомства императорских конюшен, чтобы тот поскорее замел все следы, и сделано это было еще вчера. По всей логике вещей, вопрос должен был быть окончательно улажен. Почему же эта подвеска внезапно оказалась в руках отца-императора?

- Сын твой потерял нефритовую подвеску несколько дней назад и никак не мог её найти... - пробормотал он.

- Эта подвеска могла потеряться за пределами дворца? - осведомился император.

После этих слов наследный принц окончательно растерялся и лишь тихо пробормотал:

- Сын твой не знает.

Он пребывал в полном недоумении, не понимая, в какой именно момент допустил роковую ошибку, и еще сильнее боялся, что отец узнает о том прискорбном происшествии на тренировочном плацу.

- Возможно, её подобрал кто-то из слуг... - неуверенно предположил он.

Император же оставался бесстрастным и холодным, явно не удовлетворенный столь уклончивым ответом наследного принца.

- Прошлой ночью в пригороде столицы вспыхнул пожар, и пламя дошло до конюшен ведомства императорских конюшен.

Наследный принц пребывал в состоянии полного смятения. О пожаре в пригороде он не слышал ни слова и не получал никаких известий. Эта подвеска должна была находиться у заместителя главы ведомства императорских конюшен. Что именно произошло, он не смел даже гадать, да и не знал, сколько всего на самом деле известно отцу... Его мысли путались, он не смел поднять глаз, но краем зрения заметил стоявшего рядом Ин Фушэна и словно увидел в его глазах мимолетную, едва уловимую насмешку.

Этот взгляд не был нарочито скрыт, и наследного принца это задело за живое. С самого момента банкета в павильоне Любования Луной почти ничего хорошего в его жизни не происходило: заслуги за банкет были нагло присвоены, а презираемый им Шэнь Юньфэй стал его постоянным компаньоном по учебе... С тех самых пор, как появился Ин Фушэн, всё в его жизни словно пошло наперекосяк.

Если бы только не этот человек...

- Отец, возможно, с подвеской вышло какое-то недоразумение, - первым подал голос Ин Фушэн.

Император перевел взгляд с молчащего наследного принца на Ин Фушэна, который решил вмешаться в разговор.

- Наследный принц, я спрашиваю именно тебя.

Наследный принц пребывал в состоянии абсолютного смятения.

- Сын твой не знает...

Взгляд императора заметно потемнел; он был явно недоволен столь бесполезным ответом.

В просторном зале воцарилась гнетущая тишина. Наследный принц находился в полной растерянности, не зная, как оправдаться.

В этот момент в помещение вошел евнух Жун и тихо доложил:

- Ваше Величество, прибыл секретарь Сюй.

При упоминании секретаря Сюя император слегка нахмурился. Ин Фушэн заметил это мимолетное изменение в выражении его лица, но вскоре император небрежно махнул рукой, приказывая евнуху Жуну передать приглашение.

Вскоре снаружи послышались размеренные шаги.

Ин Фушэн внимательно проследил за ними взглядом и увидел приближающегося старика.

Когда секретарь Сюй вошел в зал, тишина стала еще более глубокой и ощутимой.

Его виски уже тронула благородная седина, а в самой походке чувствовалась истинная интеллигентность ученого мужа. Он почтительно поклонился императору.

Увидев его, император заметно смягчился.

- Секретарь Сюй пришел? - спросил он.

- Слышал, что Ваше Величество обеспокоены делом о военном жалованье. Разрешить ваши тревоги - священный долг вашего слуги, - секретарь Сюй подал доклад. - Что касается слухов о продаже должностей при дворе, я уже приказал провести тщательное и детальное расследование. Все причастные чиновники указаны здесь, и доказательства их вины неопровержимы.

Император приказал подать доклад, быстро пробежал его глазами, и его нахмуренные брови наконец разгладились.

- Секретарь Сюй, вы проявили истинное усердие.

Увидев секретаря Сюя, наследный принц словно обрел твердую опору под ногами. Ин Фушэн стоял неподвижно, внимательно наблюдая за этим стариком. Будучи лидером фракции чиновников, секретарь Сюй занимал высокое положение в дворцовом секретариате и редко лично занимался текущими делами. У него был облик истинного ученого, мягкий нрав, и внешне он чем-то напоминал императрицу Сюй, но за этой внешней интеллигентностью скрывался глубокий и холодный расчет. В будущем именно этот старик будет из кожи вон лезть ради наследного принца, свергнет партию первого принца и успешно возведет лже-наследника на престол.

То, что наследный принц и заместитель главы ведомства императорских конюшен спланировали инцидент с испуганными лошадьми, скорее всего, было их собственным самоуправством. Секретарь Сюй же явился сюда, чтобы выгородить принца.

Покушение на министра Шэня, продажа должностей при сдаче экзаменов... кто-то неизбежно должен был взять на себя ответственность за эти грехи.

Этот доклад и стал изящным ответом секретаря Сюя, благодаря которому цель императора была полностью достигнута.

Взгляд старика издали остановился на Ин Фушэне. С приходом весны снега окончательно растаяли, и обычные люди уже сменили тяжелые зимние наряды на более легкие, а он, всё еще одетый в плотные одежды, выглядел еще более хрупким, чем его сверстники. Казалось, юноша едва выдерживал тяжесть собственного облачения. Он стоял в стороне с таким видом, словно всё происходящее его совершенно не касалось, а глаза его оставались спокойными и глубокими, подобно холодной заводи. Совсем молодой человек, он не выказывал на лице ни малейшего изъяна или волнения. Он выглядел как испуганный принц, вызванный на аудиенцию, полностью соответствуя образу робкого и забитого человека из дворцовых донесений, и ничем не напоминал того красноречивого министра Нин.

Если бы этот юноша был его учеником, старик считал бы его надежным и подающим огромные надежды.

Но он был принцем.

Секретарь Сюй отвел взгляд. Рядом наследный принц уже едва сдерживал нарастающее беспокойство, пока не услышал слова старика:

- Ваше Величество, что касается инцидента на тренировочном плацу, наследный принц по натуре добр, и я боюсь, что его могли использовать в корыстных целях недоброжелатели. К делу ведомства императорских конюшен причастно множество чиновников, поэтому здесь требуется самое тщательное и детальное расследование.

На возвышении гнев императора уже был умиротворен представленным докладом секретаря Сюя. Он посмотрел на коленопреклоненного наследного принца, и холодное недовольство в его глазах сменилось глубоким разочарованием. Взглянув на секретаря Сюя, который считал нужным явиться лично, он нахмурился и наконец произнес:

- Довольно. Наследный принц совершил серьезный проступок. Отстранить его от всех дел на два месяца; пусть переписывает наставления предков и постоянно размышляет о своем неподобающем поведении.

Наследный принц замер, пораженный, и поспешно поднял голову.

С тех самых пор, как он взошел на место наследника, его никогда так сурово не наказывали, и сейчас он едва устоял на ногах от потрясения.

«Шэнь Юньфэй - всего лишь сын опального чиновника...» - с горечью пронеслось в его голове.

Но император больше не желал с ним разговаривать. Он небрежно махнул рукой и покинул зал.

Ин Фушэн, слегка поклонившись секретарю Сюю, также вышел из помещения.

- Два месяца под домашним арестом, - заметил секретарь Сюй. - Наследный принц должен всё тщательно обдумать.

Он добавил с легким укором:

- Поспешность в делах и самоуправство... Ваша матушка очень беспокоится о вас.

Наследный принц, не желая мириться с таким исходом, воскликнул:

- Дед, я...

Секретарь Сюй лишь вежливо поклонился и удалился, оставив наследного принца в полном одиночестве посреди огромного зала.

Когда он вышел наружу, его уже ждал верный слуга. Секретарь Сюй не обернулся; его взгляд упал на удаляющуюся вдали фигуру, и он тихо, почти шепотом, произнес:

- Иди и доложи императрице, что с наследным принцем пока всё хорошо, но в будущем ему следует быть куда осторожнее в своих словах и поступках. Мысли императора непредсказуемы, и в эту мутную воду лучше больше не лезть.

Слуга почтительно ответил, после чего секретарь Сюй покинул боковой зал дворца Литературного Сияния.

...

Сегодня занятия во дворце Литературного Сияния закончились раньше обычного. Наследного принца и шестого принца вызвали на аудиенцию, из-за чего Шэнь Юньфэй изрядно понервничал. Он прекрасно знал подоплеку этого дела и был в курсе, что шестой принц разрабатывал определенный план в интересах семьи Шэнь. Юноша всерьез опасался, что шестой принц может пострадать из-за оказанной им помощи, и лишь когда увидел издали знакомую фигуру Ин Фушэна, его сердце наконец успокоилось.

Однако, когда он подошел ближе, то заметил, что Ин Фушэн остановился, задумчиво глядя куда-то вдаль.

Императорская свита давно уехала, и по двору бродили лишь редкие слуги. Шэнь Юньфэй не понимал, на что именно смотрит принц, и тихо позвал:

- Шестой принц?

Ин Фушэн пришел в себя и обернулся. Его взгляд, когда он снова посмотрел в сторону бокового зала, слегка смягчился.

Слуги сновали туда-сюда, а старик, специально прибывший во дворец Литературного Сияния, уже исчез из виду. Однако Ин Фушэн знал: раз он находился в одной комнате с императором, его присутствие наверняка заметили многие.

Юноша слегка отвел взгляд. Люди семьи Сюй прибыли очень быстро.

Нынешний наследный принц еще слишком мал, и его пороки проявляются при малейшем давлении.

Но по-настоящему трудно будет иметь дело не с самим нынешним наследным принцем, а с той чудовищной, разветвленной сетью влияния, что раскинулась за его спиной.

Секретарь Сюй... В своей прошлой жизни Ин Фушэн не раз сталкивался с этим расчетливым

стариком и слишком хорошо знал о тех изошренных ловушках, что тот расставлял для наследного принца. Этот человек, чьи преданные ученики и приспешники были буквально повсюду, вкладывал все свои силы и влияние в поддержку наследного принца. Можно было с уверенностью сказать, что именно секретарь Сюй планировал каждый его шаг и именно он в будущем создал для него ту мощную, несокрушимую опору, на которой держалась его власть.

В прошлой жизни, когда Ин Фушэн наконец узнал, что его истинное происхождение совсем не такое, каким казалось окружающим, он тоже пытался искать поддержки у этого знаменитого деда. Однако его письмо, полное надежды, просто кануло в Лету, не вызвав никакого интереса. А в самом конце он получил лишь краткую и жестокую весть от тайных стражей того человека:

«Князь труслив и бездарен, его больное тело не способно к великим делам...»

К тому моменту, когда Ин Фушэн умер в той, первой жизни, этот старик уже стал сановником трех эпох – почтенным министром, который за закрытыми дверями планировал судьбы всего мира и являлся самым доверенным лицом нового императора.

Семья Сюй сама выбрала, кто взойдет на престол, а значит, с Ин Фушэном они навсегда стали чужими людьми.

- Принц, – снова позвал его Шэнь Юньфэй, вырывая из пучины воспоминаний.

Ин Фушэн внезапно очнулся. Перед его глазами медленно таял весенний снег, а не та безжизненная, пустынная земля холодного дворца, которая преследовала его в кошмарах.

- Занятий сегодня нет, зачем ты пришел искать меня? – спокойно спросил он.

- Учитель закончил урок... Император... он не слишком затруднил принца? – в голосе Шэнь Юньфэя отчетливо слышалась тревога.

Ин Фушэн, услышав это, медленно повернул голову, искренне удивленный таким вопросом:

- Тебе следовало бы спросить меня прежде всего о том, что стало с семьей Шэнь.

- Прошлой ночью случился тот пожар... Семья Ци уже знает об этом, – тихо ответил юноша.

При упоминании семьи Ци Шэнь Юньфэй непроизвольно вздрогнул. Прошлой ночью, как только он поджег конюшни, он почувствовал стремительное движение армии семьи Ци. Почти одновременно с его действиями семья Ци обратила пристальное внимание на ведомство императорских конюшен. Если бы шестой принц заранее не предупредил его и не помог оставить надежные пути отхода, он вряд ли смог бы выбраться живым из-под плотного кольца тайной охраны Ци Ханьчжоу.

- Меня обнаружил молодой генерал Ци? - с опаской уточнил Шэнь Юньфэй.

Заметив, что Шэнь Юньфэй относится к Ци Ханьчжоу как к своему самому смертоносному врагу, Ин Фушэн ответил спокойно, с легкой, едва заметной усмешкой:

- У него нюх, как у волка, от него крайне трудно скрыться. Но я сказал другое: достаточно было дать семье Ци понять, что кто-то поджег конюшни, а кто-то другой искренне хочет спасти семью Шэнь. Этого вполне достаточно, не нужно пытаться углубиться в детали.

Шэнь Юньфэй задумчиво посмотрел на шестого принца, который был заметно ниже его ростом. Новый год только начался, и скоро должен был наступить день рождения, а значит, шестому принцу еще не исполнилось и одиннадцать лет.

Однако в Ин Фушэне не было ни капли той юношеской наивности, которая обычно присуща детям в этом возрасте. Даже его собственный отец, упоминая Ци Ханьчжоу, испытывал невольный страх, а в глазах шестого принца читалось такое понимание натуры Ци Ханьчжоу, будто он знал его досконально - раз уж использовал такое точное сравнение, как «нюх волка». А ведь речь шла о молодом генерале семьи Ци, который в разгаре боя был способен одним ударом взять голову вражеского полководца.

Ин Фушэн заметил этот взгляд и спросил:

- О чем ты думаешь?

Мысли были раскрыты. Шэнь Юньфэй хотел было что-то объяснить, но Ин Фушэна совершенно не интересовали его раздумья. Он снова посмотрел вдаль, где медленно удалялся тот подозрительный слуга, и коротко отрезал:

- Дело о военном жалованье раскрыто. В ближайшие дни мы, вероятно, больше не увидимся.

Шэнь Юньфэй отчетливо уловил нотку отчужденности в его словах, но понимал, что в данной

ситуации им обоим будет лучше держать дистанцию.

Ему пришлось почтительно откланяться и уйти. Уже удаляясь, он обернулся и увидел, как слуга рядом с шестым принцем осторожно меняет ему ручную грелку. На мгновение Шэнь Юньфэй отвлекся, охваченный странным чувством... Неужели тело принца действительно настолько слабое и хрупкое?

Люди во дворце Литературного Сияния постепенно разошлись. Сунъань, собрав все вещи, сменил принцу грелку на теплую и тихо, почти шепотом, произнес:

- Только что приходила Бичжу.

Снаружи дворца Литературного Сияния постоянно сновали слуги из самых разных дворцов, и в этой суете было слишком легко смешаться с многочисленными соглядатаями. Когда прибыл император, шпионы наложниц уже давно заняли свои позиции.

Дело касалось лично императора и наследного принца, поэтому некоторые слухи начали распространяться гораздо быстрее, чем можно было ожидать.

- Новость о наказании наследного принца скоро разлетится повсюду, - Ин Фушэн крепче сжал грелку, и его взгляд был прикован к ней. Тепло медленно проникало в кончики пальцев, немного облегчая вечный холод, поселившийся в его теле. Сказав это, он сделал короткую паузу, а затем его голос стал еще холоднее: - Ты давно не передавал вестей во дворец Бесконечной Радости. Она может терпеть месяц или полтора, но только не это дело.

Он добавил, глядя на слугу:

- Помни, когда пойдешь, захвати для нее успокаивающие благовония.

Сунъань невольно вздрогнул, увидев этот ледяной, пронзительный взгляд принца.

- Слуга немедленно исполнит вашу волю, - поспешно ответил он.

...

Не прошло и часа, как новость о суровом наказании наследного принца разнеслась по всему императорскому городу, и в темных дворцовых коридорах начали бурно бурлить слухи.

Однако вести распространились не полностью. За что именно был наказан наследный принц, никто точно не знал, но те, кому удалось что-то подслушать, с жадностью передавали, что император был в неопикуемой ярости и в порыве гнева даже разбил нефритовую подвеску наследного принца.

С тех самых пор, как наследный принц был официально объявлен престолонаследником, он наслаждался безграничной милостью и любовью императора, поэтому никогда прежде не подвергался столь суровым наказаниям. В глазах многих придворных и слуг произошедшее стало поистине беспрецедентным случаем.

В разительный контраст к суровой каре наследного принца встал тот факт, что дворец Милосердного Спокойствия получил от императора в дар драгоценные пилюли «Пэйюань». Император, помня о болезненности и общей слабости шестого принца, лично пожаловал ему это редкое лекарство.

Подобные резкие перепады – одних карают, других осыпают милостями – мгновенно стали главной темой для пересудов и бесконечных обсуждений во всех уголках дворца.

Однако вскоре столицу всколыхнуло иное, еще более громкое и скандальное происшествие!

Спустя два дня после пожара в пригороде столицы, по делу о пропавшем военном жалованье, которое и без того взбудоражило весь двор, пришли поистине ошеломляющие известия. Парчовая гвардия, проведя тщательный осмотр сгоревших конюшен, обнаружила там огромное количество неучтенного зерна, которое было искусно смешано с официальными запасами. Большая часть его сгорела в огне, а некоторые мешки оказались порваны... Как выяснилось, это зерно служило лишь прикрытием для чего-то более ценного. Самым поразительным стало то, что при детальном обследовании места происшествия, глубоко под полом конюшен, была обнаружена часть зарытого государственного серебра.

Это было то самое нераспределенное жалованье, которое прятали в конюшнях неизвестно сколько времени. Если бы не этот случайный пожар, никто и никогда не догадался бы, что в таком месте может быть скрыто государственное серебро.

Заместитель главы ведомства императорских конюшен, в ужасе ожидая неминуемого и

жестокое наказания, предпочел свести счеты с жизнью; его тело обнаружили прямо на улице. Все остальные чиновники, имевшие к этому отношение, были немедленно взяты под стражу.

Стоит отметить, что само по себе обнаружение государственного серебра в ведомстве императорских конюшен не было чем-то из ряда вон выходящим, ведь через это место проходили повозки со всей страны, и ежедневно здесь перевозились тонны продовольствия и жалованья. Но как только всплыли факты о неучтенном зерне и тайниках с серебром, инспектор Ци Ханьчжоу приказал провести тотальную и беспощадную проверку всех отделов ведомства. К изумлению всего двора, выяснилось, что пропавшее военное жалованье было разбросано по множеству тайников по всей округе столицы. Оно даже не покидало пределов города, оставаясь скрытым от чужих глаз до самого последнего момента.

Как только эта новость вышла наружу, весь двор был потрясен до основания: в этот грязный водоворот оказалась втянута целая сеть коррумпированных чиновников.

Император был в неопишуемой ярости и приказал парчовой гвардии провести самое тщательное расследование, чтобы выкорчевать всю эту заразу. Министр обороны Шэнь Чанцунь в итоге был оправдан, а за заслуги в доносе, несмотря на явные упущения по службе, был лишь разжалован с поста министра обороны до должности заместителя главы ведомства императорских конюшен с лишением жалованья сроком на три месяца.

После завершения утреннего заседания евнух Жун поспешил догнать удаляющегося юного генерала:

- Молодой генерал, погодите, Его Величество приглашает вас к себе.

Военные чиновники, дяди и старшие по званию, увидев это, с одобрением похлопали Ци Ханьчжоу по плечу.

Ци Ханьчжоу вежливо попрощался с остальными и последовал за евнухом Жуном.

- Молодой генерал только прибыл ко двору, а дело о военном жалованье уже раскрыто. Вы избавили Его Величество от великих тревог, - с мягкой улыбкой говорил евнух Жун по пути. - Это дело о жалованье долгое время мучило императора, и теперь, когда всё окончательно прояснилось, это послужит великим утешением для духов в особняке генерала Чэня.

Ци Ханьчжоу мгновенно уловил скрытый смысл этих слов и ответил сдержанно:

- Избавить Его Величество от тревог - высокая честь для вашего слуги.

Евнух Жун улыбнулся, глядя на тринадцати-четырнадцатилетнего юношу с суровым, не по годам серьезным лицом. Он прекрасно знал, насколько решительно и жестко тот действовал: сначала заставил армию семьи Ци устроить гарнизон в пригороде столицы, а затем, под покровом ночи, взял в кольцо всех причастных чиновников. В этом юноше чувствовался настоящий, неукротимый дух.

- Молодой генерал, вы так поразительно похожи на генерала Ци в молодости.

При упоминании Ци Шэня Ци Ханьчжоу невольно покосился на собеседника.

Евнух Жун больше ничего не сказал, и вскоре они подошли к дворцу Небесной Чистоты.

Во дворце император еще не снял свое парадное облачение; перед ним на столе было разложено несколько важных докладов.

- Ханьчжоу пришел, - заметил император.

Ци Ханьчжоу заметно подрос, и хотя он всё еще оставался юношей, на его лице уже не было и следа детской мягкости.

Император наблюдал за тем, как он растет, и теперь, глядя на него, чувствовал глубокое облегчение.

- Твой отец через несколько дней отправится обратно на границу. Сейчас война окончена, и ты отлично справился с делом о жалованье. Я посоветовался с твоим отцом: должность заместителя командующего парчовой гвардией пока вакантна, так что оставайся здесь, чтобы набраться опыта, - император говорил мягко, и его отношение к Ци Ханьчжоу было почти таким же, как к сыну старого, близкого друга. Увидев, что Ци Ханьчжоу хранит молчание, он слегка усмехнулся: - Что, неужели хочешь вернуться на север?

Ци Ханьчжоу помедлил с ответом:

- Слуга...

- Ты с самого детства был с отцом на границе и в столице бывал крайне редко. То, что ты останешься здесь, - воля твоего отца, - император посмотрел на него и перестал листать доклад. - Семья Ци для императорского дома - самый острый клинок. Но меч нужно точить годами, так же, как и людей.

Слова были сказаны с явным намеком. Ци Ханьчжоу слегка напрягся, осознавая глубинный, почти предостерегающий смысл слов императора.

...

Когда Ци Ханьчжоу вышел из дворца, жетон парчовой гвардии уже был у него в руках. Евнух Жун сопровождал его до самых ворот императорского города.

Увидев, что генерал ушел, сопровождавший его младший евнух с любопытством спросил:

- Крестный отец, почему вы так любезны с молодым генералом Ци?

- Люди семьи Ци рождены быть ближайшими приближенными императора. Со времен покойного императора они - верный меч императорского дома, - евнух Жун долго смотрел на исчезающую вдаль фигуру. - Это же настоящий злой дух, выбравшийся из города Ючжоу. Не смотрите на то, что он еще молод. Четыре года назад он был всего лишь полуробенком, но даже тогда смог вытащить труп своего старшего брата из города призраков.